

Серия «История и наука в деталях»

Рамон Наварете

**ИНКВИЗИЦИЯ
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 272-9
ББК 86.375
Н15

В настоящем издании в качестве иллюстрированных цитат к текстовому материалу используются фоторепродукции произведений искусства, находящихся в общественном достоянии.

Дизайн обложки *Алексей Родюшкин*

Наварете, Рамон

Н15 Инквизиция средневековья/ Рамон Наварете. — Москва: Издательство АСТ, 2024. — 336 с. — (История и наука в деталях).

ISBN 978-5-17-149258-8

«Инквизиция»... Слово, окутанное мрачными легендами. Ей приписывают многочисленные казни, жуткие пытки и тысячи невинных жертв. Но все ли так однозначно? В своей книге Сергей Нечаев объективно рассматривает это явление и подробно описывает историю инквизиции, начиная с ее возникновения. Автор опирается на сочинения историков, документы эпохи Средневековья и свидетельства современников. Он рассказывает о громких судебных процессах над Жанной д'Арк и Жилем де Рэ и об испанской инквизиции, которая традиционно (и справедливо ли?) считается самой жестокой.

Эта книга — отличное средство для того, чтобы под необычным углом взглянуть на известные события прошлого и исторических деятелей, а также улучшить свою эрудицию и сформировать собственное мнение о важной составляющей европейской истории.

**УДК 272-9
ББК 86.375**

ISBN 978-5-17-149258-8

© Рамон Наварете, 2024
© ООО Издательство АСТ, 2024

Содержание

Предисловие	5
История появления инквизиции	17
Три инквизиции.	35
Учреждение новой инквизиции в Кастилии.	52
Учреждение новой инквизиции в Севилье	56
Первые казни еретиков.	61
Булла папы Сикста IV	67
Руанское судилище	76
Суд над маршалом Жилем де Рэ.	135
Торквемада — генеральный инквизитор Кастилии и Арагона	162
Кодекс инквизиции.	179
Недовольство арагонских «новых христиан»	197
Заговор против инквизиции и его подавление	202
Расширение полномочий Торквемады.	218
Тяжелая болезнь Торквемады. Его последние проекты	227
Смерть Томаса де Торквемады.	235
Итог деятельности инквизиции при Торквемаде	239
Диего де Деса — второй генеральный инквизитор	257
Франсиско Хименес де Сиснерос — третий генеральный инквизитор.	269

Адриан Буйенс — четвертый генеральный инквизитор	280
Альфонсо Манрике де Лара-и-Солис — пятый генеральный инквизитор	286
Хуан Пардо де Тавера — шестой генеральный инквизитор	292
Гарсиа де Лоайса — седьмой генеральный инквизитор	299
Фернандо де Вальдес-и-Салас — восьмой генеральный инквизитор	303
Конец инквизиции	319

Предисловие

Слово «инквизиция» давно стало нарицательным. Оно вошло в лексикон современного человека, хотя о самой инквизиции, за исключением весьма скудных данных, почерпнутых из книг, учебников и энциклопедий, широкому читателю известно сравнительно немного.

Историк Марселен Дефурно пишет: «Испанская инквизиция!.. Эти слова уже в течение четырех веков пробуждают в воображении мрачные тюрьмы, ужасающие пытки и огонь костров, освещавших аутодафе»¹.

Но инквизиция была не только испанской, функционировала она и в других странах. Просто Испанию (которой, впрочем, тогда еще не было и в помине) первой вспоминают, когда заходит разговор об инквизиции. Почему? Да потому, как утверждает тот же Марселен Дефурно, что «инквизиция занимала в жизни испанцев очень важное место не только из-за судов, которые она вершила, но и из-за отпечатка, налагавшегося ею на умы людей той своеобразной смесью ужаса и почитания, которую вызывало само ее упоминание»².

Тема инквизиции, без сомнения, является «ультраполемической». На протяжении веков множество раз слово «инквизиция»

¹ Дефурно М. Повседневная жизнь Испании золотого века. М., 2004. С. 160.

² Там же. С. 160–161.

использовалось в качестве синонима понятия «религиозный фанатизм». Происходило все, в значительной степени, по принципу, провозглашенному одним из патриархов современной пропаганды Йозефом Геббельсом, а тот якобы говорил, что «ложь, повторенная тысячу раз, становится правдой»¹. Во всяком случае, эту фразу ему приписывают и постоянно цитируют, хотя на самом деле это изречение принадлежит французскому писателю и дипломату рубежа XVIII–XIX вв. Франсуа Рене де Шатобриану.

В настоящее время ситуация поменялась. Увеличилась степень научной разработанности данной проблемы, расширился круг доступных источников, началось изучение ранее запретных тем, появились новые познавательные приоритеты, оригинальные, а подчас и довольно экстравагантные концепции истории инквизиции. Политическая и духовная свобода окрылила историков; она стимулировала творческий поиск одних и графоманство других.

В чем же секрет долговечности интереса к инквизиции, одно название которой, как принято считать, внушало ужас всему человечеству? Кем были руководители инквизиции — «жертвами долга», фанатиками, готовыми пойти на самые страшные преступления, чтобы защитить догматы веры от подлинных или мнимых врагов, или бессердечными церковными полицейскими, послушно выполнявшими предписания высшего начальства? Кем были жертвы инквизиции? Кого и за что преследовала инквизиция?

Мы надеемся, что данная книга хотя бы частично ответит на эти вопросы. Конечно, мы далеки от того, чтобы пытаться полностью «обелить» инквизицию, показывая праведный образ жизни одного из ее главных лидеров. Как пишет профессор Мадридского университета Антонио Бальестерос Беретта, «инквизиция, как любой общественный организм, имела свои недостатки»².

¹ Publications Relating to Various Aspects of Communism. Issues 1–15. United States Congress, 1946. P. 19.

² Ballestros Beretta A. Sintesis de Historia de España. Barcelona, 1952. P. 233–234.

Можно много говорить о том, что в Средневековье сжигали еретиков не инквизиторы, а светские власти, а также о том, что за действия инквизиции несет ответственность королевская власть, которой она была подчинена. Кто-то даже говорит о том, что, в известной степени, ответственность за деяния инквизиции лежит и на самих ее жертвах, которые своим неповиновением сами подталкивали ее к жестоким расправам. Такие аргументы, в частности, можно встретить в книге Агостино Чеккарони «Маленькая церковная энциклопедия», изданной в Милане в 1953 году. Автор утверждает, что главной причиной возникновения инквизиционных трибуналов были «насильственные действия, к которым прибегали еретики, начиная со времени, когда церковь вышла из катакомб, с целью разрушить фундамент, основанный на доброй религии Иисуса Христа, провоцируя тем самым не только справедливую реакцию со стороны церкви, но также справедливую общественную вендетту»¹.

Одним из первых выдвинул подобные аргументы граф Жозеф-Мари де Местр, написавший в 1815 году памфлет в защиту инквизиции, известный как «Письма одному русскому дворянину об инквизиции».

Жозеф-Мари де Местр касался только испанской инквизиции, но он пытался оправдать и всю инквизицию в целом, доказывая ее общественную полезность. Прежде всего, он утверждал, что, существуй во Франции инквизиция, в стране наверняка бы не было кровавой революции 1789 года.

В самом деле, деятельность инквизиции всегда и везде была направлена на борьбу с революционными веяниями. Она запрещала и конфисковывала произведения энциклопедистов и им подобных «подрывателей основ». Например, та же Великая французская революция 1789 года была встречена инквизицией в штывы. В частности, она особым декретом запретила ввоз в Ис-

¹ Ceccaroni A. Piccola Enciclopedia Ecclesiastica. Milano, 1953. P. 716.

панию революционной литературы и осудила французских революционеров за то, что они «под привлекательной маской защитников свободы в действительности выступают против нее, разрушая политический и социальный строй и, следовательно, иерархию христианской религии»¹.

Инквизиция всегда и везде поддерживала государственный строй и христианский социальный порядок, воплощенный в форме монархии.

Монах-августинец Мигель де ла Пинта Льоренте в своей книге об испанской инквизиции, изданной в Мадриде в 1953 году, по этому поводу высказывает следующую мысль:

«Разрешите мне сформулировать следующий вопрос: когда общество наводнено проповедниками атеизма, то есть ниспровергателями Бога, когда в наших современных и прекрасных городах силы зла источают развращающие флюиды сатанической гордыни, покрывая презрением все моральные и этические постулаты <...> разве не будет неотвратимой потребностью человечества создать трибуналы, в задачу которых входило бы осуществление полицейских репрессий с применением самых энергичных и действенных методов, и не все ли равно, будут ли эти трибуналы именоваться полицейскими департаментами или генеральной инквизицией?»²

Основной тезис графа де Местра звучит так:

«За все, что имеется в деятельности трибунала инквизиции жестокого и ужасного, в особенности за смертные приговоры, несет ответственность светская власть»³.

¹ Нечаев С.Ю. Торквемада. М., 2010. С. 268, ЖЗЛ: малая серия. Вып. 8.

² De la Pinta Llorente M. La Inquisición española y los problemas de la cultura y de la intolerancia. T. 1. Madrid, 1953. P. 7–8.

³ De Maistre J. Considérations sur la France suivi de l'Essai sur le principe générateur des constitutions politiques et des Lettres à un gentilhomme russe sur l'Inquisition espagnole. Bruxelles, 1858. P. 297–298.

Далее Жозеф-Мари де Местр пишет: «Инквизиция по своей природе добра, нежна и консервативна, таков всеобщий и неизменный характер всякого церковного института. Но если гражданская власть, используя это учреждение, считает полезным для своей собственной безопасности сделать его более строгим — церковь не несет за это ответственности».¹

Относительно «нежности» инквизиции — это, конечно же, явный перебор. Даже процитированный выше Агостино Чекарони признает, что «инквизиция совершила всевозможные эксцессы, которые могут быть объяснены политическими страстями в соединении с варварством и невежеством того времени»².

Некоторые более современные писатели придерживаются тех же взглядов: по их мнению, инквизиция была мощной «превентивной мерой», ниспосланным провидением инструментом, который долгое время защищал людей от гражданских и религиозных войн.

Слово в защиту инквизиции произносит и официальная ватиканская «Католическая энциклопедия», в которой сказано:

«В новейшее время исследователи строго судили учреждение инквизиции и обвиняли ее в том, что она выступала против свободы совести. Но они забывают, что в прошлом эта свобода не признавалась, и что ересь вызывала ужас у благомыслящих людей, составлявших, несомненно, подавляющее большинство даже в странах, наиболее зараженных ересью. Не следует, кроме того, забывать, что в некоторых странах трибунал инквизиции действовал самое непродолжительное время и имел весьма относительное значение»³.

¹ De Maistre J. Considérations sur la France suivi de l'Essai sur le principe générateur des constitutions politiques et des Lettres à un gentilhomme russe sur l'Inquisition espagnole. P. 286.

² Ceccaroni A. Piccola Enciclopedia Ecclesiastica. Milano, 1953. P. 717.

³ Enciclopedia Cattolica. Vol. 7. Vaticano, 1951. P. 47.

Аббат Эльфеж Вакандар в своей книге «Инквизиция» пишет, что инквизицию нужно рассматривать и судить не только по поступкам, но и в сопоставлении с моралью и представлениями о правосудии того времени. По его мнению, «мы должны изучать и судить этот институт объективно» и не «сравнивать его эксцессы с предосудительными действиями других трибуналов»¹.

Развивая эту идею, аббат Вакандар предупреждает: «История инквизиции неизбежно вскроет дела, о существовании которых мы даже никогда не подозревали, но наши предрассудки не должны служить помехой для честного отношения к фактам. Единственно чего мы должны страшиться — это упрека в том, что мы боимся правды»².

Далее, говоря о церкви и о церковных истинах, аббат Вакандар рассуждает следующим образом: «Если для защиты этих истин она использует в одном веке средства, осуждаемые последующим веком, то это всего лишь доказывает то, что она следует обычаям и идеям, господствующим в окружающем ее мире. Но церковь строго следит за тем, чтобы люди не сочли ее действия непогрешимыми и вечными правилами абсолютной справедливости. Она с готовностью признает, что иногда может и ошибаться в выборе практических средств. Система защиты и обеспечения, использованная ею в Средние века, оказалась, по крайней мере, в некоторой степени успешной. Мы не можем утверждать, что она была абсолютно несправедливой и абсолютно аморальной»³.

Шарль Пишон, автор объемной книги о Ватикане, также призывает оценивать инквизицию «исторически, без страстей

¹ Vacandard E. The Inquisition: A Critical and Historical Study of the Coercive Power of the Church. New York, 1940. P. V–VI.

² Ibid. P. VIII–IX.

³ Ibid. P. 187.

и предубеждений»¹. Он пишет: «Святая канцелярия, прежде всего, была реакцией, часто грубой, как обычаи того времени, часто произвольной, как трибуналы всех времен, реакцией общества, которое защищается»².

Именно с этих позиций рассматривает деятельность инквизиции богослов и философ А.В. Кураев. Вот его соображения: «Согласно настойчиво повторяющейся, хотя и непроверенной легенде, инквизиционные трибуналы Средиземноморского региона были фанатичными и кровожадными, а испанская инквизиция являлась самой жестокой из всех. Само слово “инквизиция” давно стало синонимом нетерпимости. Однако когда историки, наконец, стали систематически изучать огромный массив протоколов инквизиций, были получены совершенно иные результаты, и постепенно начало выработываться новое представление о них. Сейчас, пожалуй, уже можно говорить о всеобщем признании двух принципиальных выводов, хотя исследования еще не завершены. Во-первых, средиземноморские инквизиции были менее кровожадными, нежели европейские светские суды <...> Второй важный вывод состоит в том, что средиземноморские инквизиции, в отличие от светских судов, выглядели более заинтересованными в понимании мотивов, двигавших обвиняемыми, нежели в установлении самого факта преступления. Ранее представлялось, что инквизиторы, тщательно соблюдавшие анонимность своих информаторов, в меньшей степени заботились о правах обвиняемых, чем светские суды. Но последние исследования показывают, что инквизиторы были более проникательными психологами, нежели светские судьи, и оказывались вполне способными прийти к корректному — а зачастую и снисходительному — приговору. В целом они, в отличие от светских судей, почти не полагались на пытку, чтобы убедиться в истинности утверж-

¹ Pichon Ch. Le Vatican. Paris, 1960. P. 251.

² Ibidem.

дений обвиняемых. Инквизиторы пытались проникнуть в сознание людей, а не определить правовую ответственность за преступление, поэтому протоколы инквизиторских допросов выглядят совсем иначе, чем протоколы светских трибуналов, и предоставляют историкам богатый материал об обычаях и народных верованиях... В отличие от светского судопроизводства того времени, суды инквизиции работали очень медленно и кропотливо. Если одни особенности их деятельности — такие, как анонимность обвинителей, — защищали информаторов, многие другие обычаи работали на благо обвиняемых. Поскольку инквизиторы в меньшей степени заботились о том, чтобы установить факт совершения преступления — ереси, богохульства, магии и так далее, — но, скорее, стремились понять намерения людей, сказавших или сделавших подобное, они, главным образом, различали раскаявшихся и нераскаявшихся грешников, согрешивших случайно или намеренно, мошенников и дураков. В отличие от многих светских уголовных судов <...> инквизиторы мало полагались на пытку как на средство установления истины в сложных и неясных обстоятельствах. Они предпочитали подвергнуть подозреваемого многократному перекрестному допросу, проявляя подчас удивительную психологическую тонкость, чтобы разобраться не только в его словах и действиях, но и в его мотивах»¹.

Этот же автор утверждает, что «инквизиция функционировала как учреждение, скорее защищающее от преследований, нежели разжигающее их», что «церковные кары для чародеев были мягче того, что могла бы сделать с ними толпа»².

У аббата Эльфежа Вакандара нашелся целый ряд близких к церкви последователей, которые продолжили излагать историю инквизиции, пытаясь понять и оправдать ее действия. В частности, епископ города Бовэ Селестен Дуэ в своей книге об инквизи-

¹ Кураев А. Неамериканский миссионер. Саратов, 2005. С. 21–22.

² Там же. С. 25.

ции, изданной в 1906 году, пишет: «Трибуналы инквизиции способствовали сохранению цивилизации эпохи, ибо они укрепляли порядок и препятствовали распространению острого зла, защищали интересы века и действительно охраняли христианскую идеологию и социальную справедливость»¹.

Кроме того, он утверждает, что создание инквизиционных трибуналов было в интересах еретиков, так как спасало их от погромов, массовых расправ и бесконтрольных преследований со стороны светских властей, заинтересованных в присвоении их собственности. Инквизиция, согласно Селестену Дуэ, обеспечивала «справедливый» суд.

Примерно эту же мысль высказывает и английский писатель Гилберт Кит Честертон, заявляющий, что «во времена Торквемеды существовала, по крайней мере, система, которая могла в какой-то степени обеспечить справедливость и мир»².

Богослов и философ А.В. Кураев констатирует: «Инквизиция хотя бы предоставляла слово самому обвиняемому, а от обвинителя требовала ясных доказательств <...> В итоге — ни один другой суд в истории не выносил так много оправдательных приговоров»³.

Британский историк, живущий в Испании, Генри Кеймен в своей книге об испанской инквизиции отмечает, что архивы инквизиции содержат 49 092 досье, но только 1,9% из них определяют вину обвиняемого и передают дело светским властям для исполнения смертного приговора. Остальные 98,1% были либо оправданы, либо получили легкое наказание (штраф, покаяние, паломничество)⁴.

¹ Douais C. L'Inquisition, ses origines, sa procédure. Paris, 1906. P. 63.

² Chesterton G.K. The Collected Works. Vol. 37. San Francisco, 2012. P. 38.

³ Кураев А. Неамериканский миссионер. С. 21.

⁴ Kamen H. Inquisition and Society in Spain in the Sixteenth and Seventeenth Centurie. Indiana University Press, 1985. P. 183.

Конечно, есть и совершенно противоположные мнения. Например, принято утверждать, что инквизиция вообще никогда не оправдывала свои жертвы, что в лучшем случае приговор гласил, что «обвинение не доказано». Якобы даже оправдательный приговор не мог служить препятствием для нового процесса против той же жертвы.

Монах-францисканец из Монпелье Бернар Делисьё, конфликтовавший с инквизицией и требовавший ее отмены, как-то даже в присутствии французского короля Филиппа IV Красивого, пригласившего его к себе в замок Санлис, заявил, что инквизиция могла обвинить в ереси самих святых Петра и Павла, и они были бы не в состоянии защитить себя. Им не представили бы никаких конкретных обвинений, не ознакомили бы с именами свидетелей и их показаниями. «Каким же образом, — спросил Бернар Делисьё, — могли бы святые апостолы защищать себя, особенно при том условии, что всякого, явившегося к ним на помощь, сейчас же обвинили бы в сочувствии ереси?» Приводящий эту цитату американский историк Генри Чарльз Ли в своей «Истории инквизиции в Средние века» добавляет: «Все это, безусловно, верно. Жертва была связана путами, вырваться из которых ей было невозможно, и всякая попытка освободиться от них еще только ту же затягивала узлы»¹.

На позициях яростного защитника инквизиции стоял известный испанский историк Марселино Менендес-и-Пелайо, умерший в Сантандере в 1912 году. Его взгляды по этому вопросу изложены в трехтомной книге «История испанских еретиков», опубликованной в 1880–1882 гг. Хотя это сочинение было написано автором, не достигшим и 25-летнего возраста, оно основано на огромном количестве источников и считается в своем роде классическим. Подробно рассматривая различного рода ереси,

¹ Ли Г.Ч. История инквизиции в Средние века. Т. 1. СПб, 1911. С. 284.

существовавшие в Испании, Марселино Менендес-и-Пелайо не только оправдывает преследование еретиков, но даже воспекает действия инквизиции.

В своих рассуждениях об инквизиции этот автор исходит из следующей предпосылки:

«Испанский гений в высшей степени пропитан католическим духом, ересь среди нас — случайное и временное явление»¹.

Его в этом поддерживает профессор теологии Николас Лопес Мартинес, считающий, что ересь «нарушает социальный порядок»².

Истинно верующий не может не одобрять действий инквизиции, утверждает Марселино Менендес-и-Пелайо. Он пишет:

«Кто признает, что ересь есть серьезнейшее преступление и грех, вызывающий к небу и угрожающий существованию гражданского общества, кто отвергает принцип догматической терпимости, то есть безразличное отношение и к истине, и к ошибке, тот обязательно должен признать духовное и физическое наказание еретиков, тот должен согласиться с инквизицией»³.

Марселино Менендес-и-Пелайо уверен, что даже изгнание евреев из Испании в 1492 году было неизбежным следствием антииудейских настроений, которые преобладали в испанском обществе в XV веке. Он пишет:

«Решение Католических королей не было ни плохим, ни хорошим, оно было единственно возможным и исторически неизбежным в тех условиях»⁴.

¹Menéndez y Pelayo M. Historia de los Heterodoxos españoles. Vol. 3. Madrid, 1882. P. 284.

² Lopez Martines N. Los judaizantes castellanos y la Inquisición en tiempo de Isabel la Católica. Salamanca, 1954. P. 264.

³Menéndez y Pelayo M. Op. cit. P. 284.

⁴ Menéndez y Pelayo, Marcelino. Historia de los Heterodoxos españoles. Vol. 2. P. 280.